

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Гулиева (Занукова) Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gfariza37@mail.ru

Статья посвящена изучению механизмов реализации довольно распространенного в мировом фольклоре мотива оборотничества на материале волшебных сказок карачаевцев и балкарцев. Отмечается, что этот мотив напрямую связан с древними воззрениями данного этноса, в частности, мифологией, тотемизмом и магией. Исследование показало, что превращение может быть добровольным, случайным и вынужденным, насильственным. В первом случае оборотничество может быть чудесной способностью персонажа или же являться следствием применения каких-либо волшебных средств, во втором – быть связанным со свойствами того или иного предмета, субстанции, в третьем – являться результатом проклятия, магического воздействия. В карачаево-балкарских сказках оборотничество может быть одноактным, т.е. однонаправленным (человек – животное / птица, животное / птица – человек и т.п.), либо многоактным (от 2 до бесконечности; человек – животное – другое животное – птица – человек, животное – другое животное – третье животное / человек – исходное животное, золотая рыбка – человек – золотая рыбка и т.д.) действием. Трансформации могут подвергаться не только человеческие герои, но и животные, демонологические, сверхъестественные персонажи. Анализ текстов карачаево-балкарских волшебных сказок позволяет сделать вывод о том, что мотив оборотничества нашел в них широкое применение, получил детальную разработку и реализован во множестве вариаций.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебная сказка, оборотничество, тотемизм, магия, чудесный предмет.

В научной литературе волшебная сказка выделяется с определениями волшебная, волшебнo-фантастическая, чудесная и т.п. Главным ее жанрообразующим признаком в карачаево-балкарском фольклоре, как и в фольклоре многих народов, является наличие элемента чуда, которое «может выражаться в необычности главного героя (чудесное рождение, быстрое взросление, гиперболизация его физических и моральных качеств), сверхъестественности его противников (ведьм, колдунов, оборотней, эмегенов, драконов и т.п.), наличии чудесных помощников (люди со сверхспособностями; различные духи; мудрые звери, умеющие говорить и перевоплощаться в людей, домашних животных и различные предметы; чудесные говорящие кони, способные не только быстро скакать по земле, но и подниматься в небо, опускаться и плавать под водой; чудовища-эмегены, выполняющие в нартском эпосе роль исключительно отрицательных персонажей; пойманная и отпущенная на волю ведьма-оборотень, которая также может порой оказаться спасительницей, мудрой советчицей и помощницей героя), волшебных предметов (дубинка-самобой, чудесные мечи, шапка-невидимка, скатерть-самобранка, войлочная плетель, волшебное зеркало, показывающее все, что в мире творится, пули / стрелы, сообщающие об опасности, грозящей герою, или о его смерти, и т.п.), в самом пути разрешения конфликта, который в реальной жизни невозможен» [Гулиева

(Занукова) 2016: 95]. Кроме того, существуют определенные механизмы, способы и приемы, через которые элемент чуда реализуется в волшебных сказках. Одним из них является оборотничество.

Изменение облика персонажа является довольно распространенным мотивом в фольклоре практически всех народов мира. В сказочном эпосе он также нашел широкое применение. Для обозначения данного действия в научной литературе применяются такие термины, как *превращение*, *перевоплощение*, *преображение*, *оборотничество* и др. Трактование их у разных исследователей может отличаться. Так, Л.Н. Виноградова понимает превращение как фольклорный мотив, «в котором отражаются народные поверья о способности живого существа или предмета изменять свой облик, внешний вид, ипостась, т.е. о возможности стать другим существом, растением, предметом, камнем и т.п. ... вид метаморфозы, произошедшей навсегда (либо на неопределенно долгое время)», и отделяет его от оборотничества, «приписываемого, прежде всего, демонологическим персонажам, а также “знающим” людям, склонным менять свой вид лишь на определенное время (умеющим оборачиваться “туда и обратно”») [Виноградова 2004: 67]. Н.А. Ашихманова считает перевоплощение (включая и оборотничество) и преобразование двумя вариантами превращения, а отличие перевоплощения от преобразования видит в том, что «внутреннее содержание героев не меняется, и это часто используется соответствующими персонажами как обманный мотив» [Ашихманова 2015: 78]. Б.А. Коломакина же полагает, что оснований для разграничения понятий оборотничества (магической перемены облика одушевленного персонажа) и превращения (изменение одной материи в другую, происходящее, как правило, путем наложения заклинаний) нет и все виды перехода из одной материи (состояния) в другую в фольклоре предлагает определять как превращение [Коломакина 2012: 19]. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что термин «превращение» имеет более широкое значение, которое не ограничивается рамками оборотничества, являющегося одной из его разновидностей, но связано также с прогрессом и регрессом внешности героя (преображением, уродством, резким взрослением, старением, омоложением и т.п.), окаменением, переходом в разряд флоры и т.д.

Интересно отметить и тот факт, что оборотничество, традиционно понимаемое в европейской и американской культуре как зависящее от фаз луны превращение человека в волка, ставшее следствием укуса оборотня, в карачаево-балкарском устном творчестве не встречается. По суеверным представлениям этого народа в волков могли превращаться *обуры* и *куртха* (ведьмы) с целью причинения ущерба скоту, но и в этом случае речь не шла о заражении через укус. Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что волк считался тотемным животным, к тому же борющимся с нечистью. Считается, что это единственный зверь, который не только может видеть джиннов, шайтанов, но и уничтожает их детенышей. Так, в этнографическом рассказе «*Бёрю бла адам*» – «Волк и человек» повествуется о том, как в давние времена волк, поддавшись на провокацию лисы, напал на стада Апсаты, которые должен был стеречь, и оказался изгнанным. С тех пор он воспринимается как враг человека и скота. Однако и сегодня он приносит пользу человеку: «если бы не волки, землю захватили бы шайтаны. Роды шайтанов видят только алмосту и волк. Как только у шайтана начинаются роды, волк, украв и убежав, поедает его дитя. ...»

В дом, где есть волчий тулуп или волчья шкура, шайтаны не входят. Раньше, чтобы шайтан не тронул, на колыбели вешали кусочки волчьей шкуры, волчий зуб или волчий череп» [Къарачай-малкъар фольклор 1996: 55].

Культ волка отразился и в карачаево-балкарском нартском эпосе: предводитель нартов Ёрюзбек был вскормлен волчицей. Он же являлся обладателем чудесного волчьего полушубка и боролся с разного рода нечистью [Гучева, Гулиева (Занукова) 2016: 77–78].

Таким образом, исходя из сведений, собранных исследователями традиционных форм культуры, и данных конкретного сказочного материала, *оборотничество* можно понимать как перевоплощение одного одушевленного субъекта в другой одушевленный субъект, т.е. как трансформацию формы при сохранении содержания. Чаще всего оно связывается с превращением человека в животное / птицу / рыбу / рептилию или животного / птицы / рыбы / рептилии в человека, а также превращением одного человека в другого или изменением пола.

Встречающаяся в фольклорных произведениях способность героя изменять свой внешний облик восходит непосредственно к древним воззрениям, главным образом к мифологии, тотемизму и магии. Даром перевоплощения в них обладают мифические персонажи (божества, джинны, девы-птицы, ведьмы и др.) и тотемные животные, обычный же человек сам по себе не может ни превращаться, ни превращать. Для этого ему необходим превращающий субъект (божество, ведьма, проклинающий, антагонист), чудесный предмет, растение / плод или субстанция.

Превращение как волшебный акт может включать в себя ряд позиций:

- превращающий (субъект);
- превращаемый (объект);
- средство / способ превращения [Коломакина 2012: 20];
- условие возврата к первоначальному состоянию.

В случае, если субъект и объект превращения совпадают, оборотничество имеет добровольный характер. Оно свойственно главным образом так называемому «высокому» оборотничеству [Краюшкина 2008: 73], уходящему своими корнями в мифологию и тотемизм и являющемуся врожденной способностью персонажа. Достаточно вспомнить, что, согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, покровитель диких животных Апсаты и его дочь Байдымат / Фатимат могли принимать облик белого оленя и маралихи соответственно. В волшебных сказках данный мотив дается в трансформированном, «сниженном» варианте. В ряде текстов встречается эпизод об убитой и ожившей лани, которая на возглас удивления охотника отвечает, что это не диво, а про настоящее чудо расскажет такой-то (Индырбаев Магомед / Сокур Али и т.д.), но лишь в немногих он доведен до логического завершения. Так, в сказке «Эмеген и охотник» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 197–203] оказывается, что той ланью была дочь Сокура Али, превращенная в животное по воле некоего таинственного голоса с целью привести охотника в дом отца, чтобы тот отомстил эмегену и оживил ее братьев.

Отразился в карачаево-балкарских сказках и мотив женитьбы персонажа на тотемной супруге. Так, Солтан-Герий, герой одноименной сказки, еще будучи в колыбели оказывается помеченным царем змей – на нем находят необычную яркую бусину, появляется метка и на отцовском кинжале. По этим приметам после достижения 22-летнего возраста его узнают змеи и доставляют к своему повелителю, представляющему в образе дракона, для заключения брака с его дочерью. При первом знакомстве Солтан-Герий видит, что его суженая – змея, однако, заметив грусть жениха, змея уползает обратно в комнату и возвращается уже в виде прекрасной девушки. Несмотря на симпатию к супруге, герой не может забыть о своей бедной матери и односельчанах, страдающих от нехватки воды из-за дракона, перекрывавшего реку, и жестокого бия Мухарбия, который заставлял жителей села собирать всю дождевую и ледниковую воду в свой арык и орошать свои поля. Выведав потихоньку у жены единственный способ погубить дракона, улучив момент, герой убивает его и возвращается к матери и своей общине. Примечательно, что хотя в тексте превалируют социальные мотивы и Солтан-Герий, по сути, предал свою тотемную супругу и сбежал от нее, она, как и обещала, отомстила за него его обидчику, бию Мухарбию [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 146–153].

По представлениям карачаевцев и балкарцев в змею или обычную девушку могла превращаться и дочь царя джиннов, на которой приходится жениться герою («Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [Малкъар жомакъла... 1959: 59–66]).

К этой же группе, по нашему мнению, примыкают сказки о чудесных супругах (девушках-орлицах, голубках, лебедях). Чаще всего в подобных произведениях герою удается заполучить такую невесту с помощью хитрости – похитив их одежду / личину («Жарыкбий» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 159–178]) или выследив их жилище («Байталбатыр» [Малкъар жомакъла... 1959: 31–37]).

Следует, однако, оговорить, что встреча героя с девами-птицами не всегда связана с мотивом женитьбы, иногда они выступают только в роли чудесных помощниц, как в сказке «Аладин» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 90–97], где девушки-лебеди помогают главному герою пройти через брачное испытание (разговорить княжну-молчунью).

Встречается и мотив превращения в человека благодарной золотой рыбы, которая помогает отверженному сыну хана обрести жену, богатство и положение в обществе («Алтын чабакъ» – «Золотая рыба» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 393–394]).

В карачаево-балкарских волшебных сказках добровольное оборотничество может быть связано и с образом *къуртха / обур* «ведьмы», которая для достижения своих целей принимает облик животного или другого человека. Так, в тексте «Фатимат» [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 74–81] ведьма, для того чтобы по приказу ханши известить главную героиню, превращается сперва в старушку, а затем в старика. В произведении «Къызычыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 136–141] колдунья принимает облик девушки Илеуки, чтобы занять ее место и стать женой хана. В этом случае «оборачивание заключается в себе не только “принятие облика” других людей, но и выполнение функций, социальной роли того, в кого оборачиваются» [Коломакина 2012: 20]. Данное утверждение применимо к длительным превращениям, но не кратковременным, направленным на достижение всего лишь одной конкретной цели, после чего происходит развоплощение. В сказке «Обур эфенди» – «Эфенди-колдун» [Малкъар жомакъла... 1959: 126–133], чтобы выведать причину печали своей супруги, антагонист главной героини, обладавший способностью превращаться в любое живое существо, поочередно принимает облик ее подруги и отца, а, узнав, тотчас перевоплощается обратно и запугивает свою жертву.

В ряде сказок мы можем наблюдать также добровольное превращение человека в животное / птицу. Однако, как уже было отмечено выше, оно осуществляется не самостоятельно, а только при определенных условиях. Так, в тексте «Танду» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 351–356] главный герой, чтобы пробраться в комнату дочери царя джиннов, не испугав и не смутив девушку, обращается с мольбой к Аллаху и превращается в голубя. Развоплощение происходит тем же путем.

Исходя из этого, мы можем заключить, что добровольное оборотничество чаще всего является действием многоактным, повторяющимся и может быть кратковременным или длительным.

В ситуации, когда объект и субъект превращения не едины, речь идет о принудительном, насильственном оборотничестве. Оно может быть связано с кознями сверхъестественных существ или обычных людей, противостоящих героям. По сути, превращение в данном случае является либо испытанием, либо наказанием / возмездием. В первом варианте субъектом является антагонист (противник) героя, в роли которого могут выступать коварная жена, ее любовник («Магомед Индырбаев» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 189–192], «Бай улу Бат» – «Баев Бат» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 285]), свекор («Бедняк и ханская дочь» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 52–56]). Превращающим предметом здесь выступает чудесная плеть, которая оборачивает ударяемого по желанию ударяющего в любое животное. Однако в карачаево-балкарских сказках

этот круг ограничен: описываются превращения в серого жеребца – черного жеребца – белую собаку – филина; осла – собаку – стрижа; осла – собаку – филина. Развоплощение в большинстве случаев происходит благодаря ведьме (*кьуртха*), которая была поймана героем в образе собаки и отпущена в обмен на обещание помощи. Она подсказывает, что герою следует потереться о плеть, чтобы вновь стать человеком. В сказке же «Бедняк и ханская дочь» главный герой Ахмат сам догадывается проделать эту манипуляцию. В текстах на данный мотив за превращением-испытанием следует превращение-возмездие: развоплотившись, герой завладевает плетью и обращает своих обидчиков в ослов и / или быка и корову / кабана и свинью.

Одной из форм наказания или испытания может считаться и превращение девушки в дракона за отказ выйти замуж за эмегена, встречающееся в сказке «Карабатыр» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 97–102]. Развоплощение происходит после гибели проклявшего ее эмегена.

Наказание проявляется и в превращении человека в животное через проклятие. Например, в тексте «Всадник в шкуре жеребенка» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 141–148] один из персонажей-помощников за нарушение запрета ездить в одиночку был проклят Богом и превратился в кабана. Развоплотился после того, как был похоронен Адильгиреем Зановым и его дружиной, и получил возможность выбираться из иного мира на помощь правоверным. В сказках «Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [Малкьар жомакъла... 1959: 53–58] и «Зар кьарындашла» – «Завистливые братья» [Малкьар халкъ жомакъла, т. II 1963: 14–22] отец и два старших брата главного героя за многократные попытки избавиться от младшего сына и завладеть его женой были превращены силой проклятия в животных. В первом тексте проклинаящей выступает умершая жена хана, к которой отсылают младшего брата за молитвенником, хан превращается в кабана, а братья – в охотничьих псов. Во втором произведении проклинатель – таинственный шейх, к которому герой отправляется опять-таки за молитвенником. Отец оборачивается черным кабаном, а завистливые братья – светлыми кабанами.

Превращение через проклятие имеет место и в записанной В. Прёле в Карачае сказке о трех дочерях одного мужчины [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 297–298], однако в данном случае происходит смена пола. Младшая дочь, по сути, выполняет те же функции, что и младший сын (по воле своего хана добывает шкуры златорогих оленя и быка, похищает дочь другого хана), а трансформация (превращение из девушки в парня вследствие проклятия похищенной) лишь ставит все на свои места: хан оборачивается черным кабаном, его приспешники – в собак, а девушка, привезшая дочь хана, обернулась юношей, который женился на похищенной и сам стал ханом. Другими словами, хоть в данном случае превращение и имеет насильственный характер, оно не может считаться наказанием. По всей видимости, данный мотив является отголоском периода перехода от матриархата к патриархату.

Встречается в карачаево-балкарских волшебных сказках и третий вид оборотничества – случайное превращение, когда субъект и объект перевоплощения совпадают, но действие является неосознанным. Чаще всего оно связано со съедением чудесных фруктов (сливы / груши – «Жарлы киши» – «Бедняк» [Малкьар халкъ жомакъла 1992: 40–43], «Пасынок» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 162–165]) или испитием воды из водоема, откуда пили или через которое проходили животные («Къызчыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» [Малкьар халкъ жомакъла 1992: 136–141], «Илеука» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 37–43]). В первом варианте развоплощение происходит путем употребления в пищу другого фрукта (груши / яблока). Данный сюжет включает в себя и мотив наказания и укрощения коварной красавицы с помощью волшебных фруктов.

Во втором случае развоплощение предстает как более сложный процесс. Так, в сказке «Къызчыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» героиня погибает, чудесным образом воскресает и рассказывает свою историю, а в качестве подтверждения произносит фразу «Если я говорю правду, пусть ягненок рядом с тронем хана, превратившись в человека, подойдет ко мне». Тем самым она возвращает своему брату человеческий облик.

Становится очевидным, что случайное оборотничество в карачаево-балкарских волшебных сказках является обратимым, а следовательно многоактным действием.

Таким образом, анализ ряда текстов карачаево-балкарских волшебных сказок показал, что превращение может быть:

- по субъектно-объектным отношениям – добровольным, принудительным или случайным;
- по длительности – кратковременным или долговременным;
- по количеству стадий – одноактным (однаправленным) или многоактным;
- по возможности возврата к исходной форме – обратимым или необратимым;
- по применению вспомогательных средств – самостоятельным или нет (т.е. при помощи чудесных предметов / фруктов / субстанций, заклятий, проклятий).

Следует отметить и то, что в одном тексте могут сочетаться сразу несколько видов оборотничества.

Все указанное позволяет констатировать, что оборотничество, как один из способов реализации элемента чуда, нашло широкое применение в карачаево-балкарском сказочном эпосе и представлено в самых разнообразных вариациях.

Источники и литература

1. Ашихманова Н.А. Сюжетный мотив «превращение» как единица сказочного нарратива // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 73–79.
2. Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. М.: Дет. лит., 1983. 112 с.
3. Виноградова Л.Н. Славянские древности // Славяноведение. 2004. № 6. С. 67–70.
4. Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. К вопросу определения жанровых границ // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 95–98.
5. Гучева А.В., Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Адыгский и карачаево-балкарский нартский эпос: традиционная одежда и обувь (с древнейших времен до средневековья) // История науки и техники. 2016. № 10. С. 69–79.
6. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
7. Коломакина Б.А. Мотив превращения человека в животное в волшебных сказках бурят и шорцев // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 19–23.
8. Краюшкина Т.В. Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 73–78.
9. Къарачай-малкъар фольклор: Хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: «Эль-Фа» басма ара, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
10. Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (Дата обращения: 18.06.2019).
11. Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле / жыйышдыргъан А.Х. Соттаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 268 б. (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 268 с.).

12. Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан Мотталаны С.М. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1992. 188 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.М. Моттаева. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 с.).

13. Малкъар халкъ жомакъла. II том / жарашдыргъан С.А. Отаров. Нальчик: Къабарты-Малкъар китап басмасы, 1963. 323 б. (Балкарские народные сказки. Т. 2 / сост. С.А. Отаров. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 323 с.).

THE MOTIVE OF SHAPE-SHIFTING IN KARACHAY-BALKARIAN MAGIC FAIRY-TALES

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gfariza37@mail.ru

The article is devoted to studying of mechanisms of realization of rather widespread in world folklore motive of shape-shifting on a material of magic fairy-tales of karachais and balkarians. It is marked, that this motive directly related to the ancient views of the given ethnos, in particular, to mythology, totemism and magic. Research showed, that transformation maybe voluntary, accidental and compelled, violent. In the first case shape-shifting maybe wonderful capacity of the character or be the result of using of any magic means, in the second – to be connected with properties of some object, substance, in the third – be the result of a curse, a magical influence. In karachay-balkarian fairy-tales shape-shifting maybe one-act, unidirectional (person – animal / bird, animal / bird – person, etc.), or multiact (from 2 to infinity; person – animal – other animal – bird – person, animal – other animal – third animal / person – initial animal, gold small fish – person – gold small fish, etc.) action. Transformations can be exposed not only human heroes, but also animals, demonic, supernatural characters. The analysis of texts of karachay-balkarian magic fairy-tales allows to conclude that, the motive of shape-shifting has found in them wide application, has received detailed development and is implemented in many variations.

Keywords: karachay-balkarian folklore, magic fairy-tale, shape-shifting, totemism, magic, wonderful piece.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-97-103